

## ЛАТЫНЬ «ЖИТИЯ ЭММЕРАМА» АРИБО ИЗ ФРАЙЗИНГА

В представленной статье рассмотрены языковые особенности «Жития Эммерама», автором которого является епископ баварского города Фрайзинг Арибо. Осуществленный анализ обнаружил значительные отклонения от нормы, затрагивающие фонетику (монофтонгизация дифтонгов, гиперкоррекция, палатализация, озвончение и оглушение смычных согласных, редукция согласных в конце слова), морфологию (изменение рода и склонения, аномальные падежные окончания, немотивированное употребление страдательного залога) и синтаксис (многочисленные отклонения в предложном и падежном управлении и употреблении наклонений в сложноподчиненных предложениях), что обусловлено как влиянием разговорного языка, так и недостаточным уровнем грамотности автора.

*Ключевые слова:* латынь эпохи Меровингов, народная латынь, Арибо из Фрайзинга, фонетические, морфологические и синтаксические отклонения.

Среди опубликованных в корпусе «Monumenta Germaniae historica» (MGH) литературных памятников привлекают внимание два жития, датируемые второй половиной VIII века, авторство которых приписывается епископу баварского города Фрайзинг Арибо. Речь идет о биографиях покровителя Регенсбурга святого Эммерама (*Vita vel passio Haimhrammi episcopi et martyris*) (Krusch 1902) и фрайзингского епископа Корбиниана (*Vita Corbiniani episcopi Baiuvariorum*) (Krusch 1913). Их автор родился в первой трети VIII в. (не позже 723 г.) в местности Маис (Mais) возле Мерано в южном Тироле (согласно иной, «менее убедительной» (Löfstedt 1977/1978: 51) версии, он происходил из Баварии (Sturm 1956)). Получив образование в северной Италии, Арибо вошел в состав духовенства Фрайзинга. С 754 г. он был архипресвитером и нотариусом епископской канцелярии, а от 764/765 г. до смерти в 783 г. возглавлял епископскую кафедру Фрайзинга.

Наряду с оригинальными версиями жизнеописаний в MGH представлены также их более поздние, частично переработанные и исправленные версии датируемые X (*Vita Corbiniani*) и XI веками (*Vita Haimhrammi*).

«Житие Эммерама» представляет интерес с языковой точки зрения как образец латыни, где классические нормы переплетаются с многочисленными разговорными элементами, показывающими недостаточную грамотность автора. Лингвистический аспект сочинений Арибо не вызывал особого интереса у исследователей, свидетельством чему незначительное количество критических работ (Löfstedt 1977/1978; Polehlova 2016; Skiles 1938). Краткий комментарий представлен также в изданиях Б. Круша (Krusch 1902; Krusch 1913). Ценность оригинальных источников, подобных сочинениям Арибо, состоит в том, что здесь представлено значительно больше разговорных элементов, которые лучше отражают развитие латыни к романским языкам, чем в ориентированная на классические нормы латынь эпохи Каролингского возрождения, которая, согласно с Ф. Ло, уже не была живым языком – на ней писали, но не разговаривали (Lot 1931: 150–151).

О несоответствии литературной норме сообщает сам автор в прологе к «Житию Корбиниана»: ... *in exordio huius operis ... ruo per inaudientiam assertionibus, nisi per aratrum rationabilis normae vestrae locutionis fuerit delinatum, ut rusticitatis tergat pulverem linguae...* (561, 6–8)<sup>1</sup> ‘...в начале этого сочинения я впадаю в отчаяние из-за нежелания слушать сказанное, если его не исправит плуг разумной нормы вашего языка, который очистит грязь его неуклюжести ...’. Уже беглое ознакомление с текстом свидетельствует о том, что латынь Арибо, изобилуя отклонениями от фонетических, морфологических и синтаксических норм, далека от школьных образцов и может служить хорошей иллюстрацией особенностей народной латыни.

## I. Фонетические особенности

Среди фонетических отклонений наиболее показательны многочисленные случаи монофтонгизации дифтонга *ae*, который уже в период Империи трансформировался в *e*, совпав в произношении с *ĕ* и в разговорной речи перешел в открытое *ē* (Herman 1997: 31; Väänänen 2006: 38). Преимущественно монофтонгизация затрагивала конечный слог: *depopulate urbis*

---

<sup>1</sup> Оригинальный текст жизнеописаний цитируется по изданиям (Krusch 1902: 452–526; Krusch 1913: 561–593). Первая цифра обозначает страницу, вторая – строку.

(477, 2), *doctrine* (479, 12), *puelle* (481, 29), *incole* (493, 21), *flamme* (507, 3), *scale* (488, 12), *immense magnitudinis* (510, 14), *procere stature* (517, 13), *cure pastoris* (520, 26), но также представлена в начале и середине слова: *pene* (473, 31) 'paene', *edificia* (501, 5), *evi* (505, 16), *estimandum* (509, 18), *predicte* (515, 12), *estimo* (523, 21). Монофтонгизация других дифтонгов представлена значительно реже: *penas* (481, 14) 'poenas', *meneis* (528, 10) 'moeniis', *penitendum* (492, 1) (учитывая существование графических дублетов *paenitentia/poenitentia* и одинаковые результаты монофтонгизации дифтонгов *ae* и *oe* в данном случае *e* может представлять собой монофтонгированный дифтонг *ae*).

Единичным, но довольно интересным случаем, приведшем к искажению смысла предложения представлена монофтонгизация *au*: *odit* (502, 3) 'audit'. Речь идет о цитате из «Евангелия от Луки» *Qui vos audit me audit* (Vulg. Luc. 10, 16) приобретшей следующий вид: *Qui vos odit, me odit*. Однако употребление монофтонгов не было регулярным, что подтверждается наличием дублетов, ср. *aedificia* (501, 10) и *edificia* (501, 5), а также употреблением нормативных форм наряду с монофтонгизированными, напр., *suae anime* (485, 5).

Следствием тождественного произношения *ae*, *oe*, *e* объясняются случаи гиперкоррекции: *caepit* (476, 7; 486, 29; 513, 16) 'coepit', *praeces* (503, 17) 'preces', *tuoquae* (514, 29) 'tuoque', *poene* (492, 21) 'paene', *caereis* (506, 14) 'cereis'.

Среди фонетических изменений в системе вокализма примечательно также использование *i* вместо *e*, свойственное латыни эпохи Меровингов (Väänänen 2006: 36) и обусловленное ассимиляционными и диссимиляционными процессами: *viriscunt* (476, 2), *elimentum* (503, 9), *diliciis* (516, 2). В префиксально образованных лексемах, напр., *distinantes* (459, 27) употреблению «*i*» могло также способствовать свойственное народной латыни сближение префиксов *de-* и *dis-*.

Наряду с этим в ряде случаев засвидетельствовано употребление «*e*» вместо «*i*»: *relegiosus* (483, 12), *moeneis* (504, 8) 'moeniis'.

Иногда подобная «взаимозаменяемость» представлена также гласными *o* и *u*: *purporis* (478, 9), *rivolis* (478, 18), *ortica* (501, 3), *poppi* (506, 4) (наряду с *puppet* (519, 15)), *velucissimo* (485, 6), *sobulam* (489, 13) 'subolam'. Аналогичное написание предоставлено также в эпиграфических источниках, ср.

**COLOMNA** (CIL VI, 8660) ‘*columna*’, **LOPA** (CIL XII, 2120) ‘*lupa*’.

Тождественное произношение *i* и *u* иногда было причиной орфографических ошибок. При этом характерно употребление граммемы *u* в исконно латинском слове *imber* (*ymbre* (473, 30), *umber* (475, 29)), а также ее немотивированное употребление в грецизме *ydolis* (475, 2) ‘*idolis*’ (ср. εἶδολον). Наряду с этим граммема *i* вместо *u* присутствует в грецизмах *presbiter* (483, 12) (см. также: *presbiterum* (482, 18), *presbiteris* (508, 17)) и *martiris* (503, 16).

Среди особенностей вокализма следует также отметить наличие рекомпозиции: *cummistione* (484, 13) ‘*commixtione*’, *pacifacis* (486, 27), *depremitur* (504, 3), *cumplacuisse* (505, 15).

На письме отмечается этимологическая звонкость согласных там, где она не могла слышаться: *augtori* (487, 7), но также встречается и озвончение глухих согласных – *agriter* (488, 5). Спорадически оно представлено в надписях из Помпей, напр., **TRIDICVM** (CIL IV, 5380) ‘*triticum*’, **PAGATVS** (CIL IV, 1486, имя собственное) ‘*Pacatus*’, однако получает распространение лишь в V–VI в. (Дынников, Лопатина 1998: 53; Väänänen 2006: 57). Привлекает внимание также прилагательное *avidus* засвидетельствованное в следующих случаях: *Relicto domo...in sedem urbis avide iam praedictae alium constituens episcopum...carpebat iter* (475, 9–19) и *contemplabat ecclesiam et urbem avidam* (519, 4–5). Б. Круш предлагает два варианта толкования этого слова: ‘желанный’ (*desideratus*) (Krusch 1902: 475, прим. 1) или ‘громоздкий’ (*ingens, vastus*) (Krusch 1902: 31, прим. 1), ссылаясь в последнем случае на Э. Форчелини: *avidam partem interpretari possumus vastam, ingentem, quia avidus magna appetit* (Forcellini 1965: 416). По мнению Б. Лефстедта *avidus* представляет собой озвонченный вариант *avitus*, а *urbs avida* следует понимать как ‘отеческий город’ (Löfstedt 1977/1978: 57). Такое объяснение представляется вполне возможным, учитывая производный характер прилагательного образованного от *avis* и данные глоссариев, где *avitus* толкуется как ‘*antiquus*’ (Loewe, Goetz 1894: 169). Подобному толкованию не препятствует также смысл сказанного: в первом случае *urbs avida* относится к родному городу Эммерама Пуатье, где он долгое время был епископом и который в ином месте характеризуется как *urbs antiqua* (473, 6). Во втором фрагменте речь идет о Регенсбурге,

где находилась епископская кафедра Эммерама. В то же время единичные случаи употребления упомянутого прилагательного не позволяют делать окончательные выводы.

Наряду с озвончением в тексте засвидетельствованы также случаи оглушения смычных согласных: *sopolam* (484, 20), *aumento* (475, 25), *sacacae* (479, 22) ‘*sagacae*’, *Daviticum* (490, 17), *ruplicam* (494, 6), *faticatione* (518, 24).

Спорадически в анализированном сочинении представлена нерегулярность в написании *ti* и *ci*, свидетельствующая о палатализации: *aedifitiorum* (499, 28), *atiem* (507, 3) ‘*aciem*’, *sotiare* (515, 10; 515, 21), *sotia* (515, 20), *sotii* (516, 8), *sotiavit* (510, 11) (ср. *sociare* (480, 3)), *offitio* (510, 22), *sacietate* (518, 23).

Единичным случаем представлен *бетацизм*, т. е. уподобление произношения *b* и *v*, вызывающее их замену на письме: *fabunio* (505, 21) ‘*favonio*’. Подобное явление также зафиксировано в «Житии Корбиниана»: *octabo* (575, 8; 587, 13) ‘*octavo*’, *flevili* (577, 9) ‘*flebili*’.

Нерегулярность также свойственна отображению придыхательного *h*. Наряду с его отсутствием в грецизмах и германизмах, а также в начальных слогах перед гласным и в интервокальной позиции, напр., *clamide* (488, 8), *Reni* (475, 20), *ymnificans* (490, 4), *ymnificabat* (485, 15) (но *hymnificando* (492, 23)), *umus* (501, 23), *ospiti* (488, 9), *coors* (491, 8), *ora* (496, 20) ‘*hora*’, встречаются также случаи гиперкорректных написаний: *habundantem* (478, 8), *habundans* (478, 15), *archana* (488, 25), *thori* (516, 25).

Возможно германским влиянием объясняется употребление *f* вместо *v* в начале слова: *fomite* (489, 12) ‘*vomite*’, *foragines* (493, 11) ‘*voragines*’ (ср. *vulgorem* (590, 2) ‘*fulgorem*’ в *Vita Corbiniani*).

Довольно часто наблюдается также отсутствие *m* в конце слова: *calicem commune* (479, 5), *per altitudine* (493, 16), *secundum consuetudine* (515, 24), *in honore* (498, 19), *ob caecitate* (510, 9) и т. п. Подобное явление отмечено уже Квинтилианом<sup>2</sup>, а затем античными грамматиками<sup>3</sup> и было свойственно народной

<sup>2</sup> ...illa littera (i. e. *m*) quotiens ultima est et vocalem verbi sequentis ... contingit... etiamsi scribitur, tamen parum exprimitur (Quint.Inst. 9,4, 40).

<sup>3</sup> ... cum dicitur, illum ego et omnium optimum, illum et omnium aequae *m* terminat nec tamen in enuntiatione apparet (Vell. Long GL 7, 54, 13). Ср.: ... *m* obscurum in extremitate dictionum sonat (Prisc. GL II, 29, 15)

латыни, в частности оно присутствует в надписях из Помпей, напр., **ROGAT VENERE** (CIL IV, 1839), но также может обуславливаться влиянием языков, в которых именная флексия утратила свою роль либо недостаточным уровнем грамотности автора, допускающего ошибки в предложном управлении.

## II. Морфологические особенности

Наиболее многочисленные отклонения представлены в именных и глагольных формах. К первым необходимо отнести изменение склонения, в частности, характерный для народной латыни переход существительных третьего и четвертого склонений с окончанием *-us* в продуктивное второе склонение: *telli* (478, 14; 506, 2) ‘*telluris*’, *per suos actos* (495, 3), *scelo* (510, 16; 511, 5), *domui* (Gen. Sg.) (485, 24). По мнению Б. Лефстедта (Löfstedt 1967: 124), отмирание в народной латыни четвертого склонения и сопутствующее этому частое выпадение *u* в положении перед гласным содействовало тому, что группа «*u* + гласный» в ауслaute рассматривалась как черта литературной изысканности. Кроме упомянутых случаев засвидетельствованы также иные случаи изменения склонения сопровождающиеся соответствующей адаптацией существительных, напр.: *sobulam* (489, 13) (норм. *soboles*), *parentorum* (523, 5) (норм. *parens*).

Иногда изменение склонения сопровождается изменением рода, что, в частности, наблюдается у существительных среднего рода, где за исходную форму принимали Nom. Plur., формально совпадающий с Nom. Sing. существительных первого склонения: *pecoras* (520, 27), *edificia* (502, 28) (*Distructa edificia certaminis campus in solitudine per annos permansit multos* (502, 27–29), *verba (...verba, quam ei ...inpendere debuerat...* (516, 9–10), *molendinam* (513, 20) (ср. норм. *molendinum*).

Иной характерной чертой было изменение рода существительных с сохранением типа склонения. В анализируемом тексте это представлено преимущественно существительными третьего и четвертого склонений с окончаниями *-or* и *-us*: *relicto domo* (475, 7), *in quodam arbore* (493, 23), *per totum hemalem* (‘*hiemalem*’) *tempus* (497, 27), *tante ponderis* (509, 9), *tantae pavoris* (509, 17–18), *praesentem lumen amisit* (510, 8–9). Еди-

ножды встречается также отклонение в роде существительных пятого склонения: *superficies coopertus* (478, 13–14).

Иногда в тексте наталкиваемся на ошибки в употреблении падежных окончаний, причиной которых может быть их уподобление (*attractio flexionis*): *collectu spiritu* (491, 24), *in stagnis et amnis* (478, 16–17), *orationis et vigiliis intentus* (492, 30–31), *vade ad **beatum martyrem ecclesiam*** (517, 16–17), *...ut eum **summi praesentaretur pontifici*** (521, 17–18). Но в *eo...remotu ex dextro in laevoque* (508, 23–24) и *completo sollemnitate* (519, 26) речь скорее идет об опiske или неграмотности автора; в последнем случае вряд ли представлено изменение рода, поскольку это не было свойственно для существительных третьего склонения на *-as*.

Бросятся в глаза также окончания *-ae* и *-e* в форме Abl. Sg. имен первого склонения, который может отображать синкретический косвенный падеж и свидетельствует об утрате смысло-различительной роли флексии (ср. Herman 1997: 57; Väänänen 2006: 117): *...super quem (clippeum)...accense lucerne studiosissimam cum suis fundens orationem* (485, 16–19); *...incole huius loci collectis abscisis sacri martyris membris in quodam arbore vulgari locutione **spine albe** condentes abierunt* (493, 21–25), *expoliatum clamide et **stolae*** (488, 8), *sub **cure** pastoralis* (521, 18–19).

Для морфологии глагола характерны спорадические изменения типа спряжения, в частности, переход глаголов третьего спряжения, которое в народной латыни не было стабильным, в четвертое: *fugire* (514, 28), *siniret* (504, 5) или первое: *ne...gignem* (504, 23).

В «Житии Эммерама» нашла отражение характерная для разговорного языка неопределенность страдательного залога, которая предшествовала исчезновению соответствующих синтетических форм в романских языках. Этим объясняется употребление отложительных глаголов в формах действительного залога: *pollicebat* (476, 26), *consequeret* (479, 14), *imitare* (494, 1; 520, 10), *verebant* (500, 11), *ingredere* (512, 7). Подобное наблюдается и среди полуотложительных, формы инфекта которых в литературном языке употребляются в действительном залоге: *revertere* (511, 11), *auderentur* (497, 16).

Страдательный залог немотивированно употребляется в значении действительного: *...ut eum...deponerentur* (497, 1–2), *...ut faciem suam...veletur* (497, 26), *... commorantes ... pergerentur*

(503, 14), *plueretur* (505, 26), ...*salubrem elegerentur portum...* (507, 16), ...*pavidi exterritique vires reciperentur...* (509, 13), *anima...fulgeretur* (509, 21), ...*quinque electi sunt, qui eius membra ... absciderentur* (488, 24), ...*sic dissipati sunt...*, *ut eorum quis non remaneret* (502, 27), ...*ut corpus sancti Dei martyris mutare deberentur* (508, 5), ...*ut quidam pulcherrimus vir procere stature ante lectum eius staretur...* (517, 14), ...*eam praesentaretur...* (521, 17–18).

Среди особенностей глагольной морфологии следует отметить и такие отклонения в образовании форм, как использование основы перфекта для образования инфектных форм и vice versa: инфинитивы *reppereri* (483, 13), *poposcere* (480, 14), *intulere* (486, 25), *recipisse* (520, 28), *sentisse* (521, 28), см. также: *septum* (478, 4; 505, 7) ‘*captum*’, *iniecerent* (487, 29), *detulta* (495, 13), *iniecentes* (488, 5), *sufficerat* (520, 9). Обращает на себя внимание образование перфектных форм глагола *velle* от основы *vel-*: *vellisse* (505, 18), *vellisset* (510, 24; 511, 11; 512, 32). Появлению подобных образований в значительной мере должна была способствовать аналогия.

Особых отклонений в морфологии местоимений не обнаружено. Среди наиболее заметных следует отметить употребление некорректных падежных форм: *haec nefandam committere sententiam* (484, 10–12), *eis in stuporem verteretur* (495, 17), а также частое употребление энклитики *-que* с местоимениями, например: ...*verba, quam (sic!) ... ei impendere debuerat suoque domino divulgare minaverat* (516, 9–11); ...*puellula in nostrisque subiacentibus diocenis primo progressa ad congregationem cure pastoris suique genitoris pecoras eicere dum fuisset...* (520, 8–12).

### III. Синтаксические особенности

Прежде всего бросаются в глаза многочисленные отклонения от норм предложного управления, что, по-видимому, обусловлено присущим народной латыни сокращением числа падежей и переходом к двухпадежной системе (*casus rectus* vs. *casus obliquus*): *per partibus* (475, 17–18), *ad pedibus* (481, 7–8), *post gloriae* (483, 13), *ad suae condemnationem* (485, 3), *ex caritatis causae* (487, 15), *per XL diebus* (505, 25), *secus fluentis* (505, 6–7), *cum... pervenisset in partibus campestriae* (590, 5), *infra depri-*



*mentia ripa* (504, 6), *post multum temporibus* (508, 3), *per continuis diebus* (520, 6), *in tanti viri corporis praesentiae* (509, 19) и т. п.

С изменениями в семантике и употреблении предлогов связано немотивированное употребление близких за значением префиксов, в частности *de-* вместо *a(b)-* и *ex-*, *pro-* вместо *per-*. Например: *...mos est Germaniae, ut faciem suam immense nivium effusione veletur per totum gemalem tempus ita ut in cubitis altitudine decrescat...* (497, 25–28) ‘...Германия на протяжении всего зимнего времени обычно скрывает свое лицо чрезмерными снегами, так что они нарастают до высоты локтя’, где *decrescere* ‘уменьшаться’ употреблено в значении *excrescere* ‘разрастаться, увеличиваться’; *...ut ab his flagellum...everteret* (482, 2–3) ‘чтобы отвернуть от них наказание’ (*evertere* ‘опрокидывать, свергать’ вместо *avertere* ‘отворачивать, отвращать’; *erat ...operandi peritiae instructus, ita ut molendinam ...domino suo proficisse operaretur...* (513, 18–21) ‘он был таким искусным в ремесле, что соорудил мельницу...своему хозяину...’ (*proficere* ‘помогать, приносить пользу’ вместо *perficere* ‘изготавливать’; в позднейшей копии *proficisse* исправлено на *perfecisset*).

Существование «синтетического языка в аналитическом мире», как характеризует средневековую латынь А. Г. Ригг (Rigg 1996: 89), содействовало распространению предложных конструкций вытесняющих синтетические падежные формы. Таким, например, является употребление *in* при наречии *obviam* ‘навстречу’, напр.: *...in obviam his factus est princeps terrae cum satrapibus et sacerdotibus...* (507, 16–18), тогда как в литературной латыни употребляется лишь наречие (ср. *...iere obviam Sabini...* (Liv. 1, 37, 5)), а также беспредложное употребление упомянутого наречия в версии В). Свойственное для литературного языка беспредложное употребление аккузатива географических названий при указании на направление вытесняется предложным, напр., *ad Romam ire* (480, 15) (ср. *Romam ire* (ibid.) в позднейшей копии). Конструкция *in* + аблатив заменяет аблатив *temporis*: *in his diebus* (508, 15), *de* + аблатив ставится вместо генетива *partitivus*: *quidam de conservis suis* (514, 6). Впрочем, сохраняется и свойственное литературному языку беспредложное употребление, напр., *...ita ut eorum quis non remaneret* (500, 27–28). Как справедливо отметила Е. А. Реферовская, «авторы VI–VIII вв. были далеки от того, чтобы совершенно отказаться от склонения, но они его недостаточно

хорошо знали, недостаточно чувствовали разницу между формами и функциями различных падежей. Падежные формы могли заменяться предложными конструкциями с тем большей легкостью, что близкие им по значению предлоги часто оказывались однозначнее, а следовательно, более четко и адекватно передавали мысль» (Реферовская 1964: 94).

Довольно часто в тексте встречаются отклонения в падежном управлении: *tanti pontificis orbat* (482, 10) (в литературном языке *orbare* требует аблатива, ср. ...*filio...adulescente orbatus* (Liv. 5, 32, 8)); *instructus operandi peritiae* (513, 19) (хотя не исключено, что 'peritiae' в данном случае представляет аблатив); *gementium condolere* (481, 17) (в литературном языке *condolere aliquem*), *vir tanti visionis expergefactus* (517, 24–25) (при нормативном употреблении аблатива после *expergefactus*, ср. (*chorda*) *organici quae // mobilibus digitis expergefacta* (Lucr. 2, 407–408)), *auro et argento et purporis habundantem* (478, 7–8). Иногда употребление падежей колеблется между двумя вариантами: *huius criminis noxium* (483, 1) и *crimine innoxius* (483, 6–7).

Наряду с обычным для литературного языка оборотом *ablativus absolutus* в сочинении Арибо встречается употребление *accusativus absolutus*, который также употреблялся для выражения обстоятельственных отношений, напр.: *Distructa edificia, certaminis campus in solitudine per annos permansit multos* (502, 27–29). Кроме того в тексте засвидетельствован также промежуточный этап упомянутой конструкции, где логическое подлежащее употреблено в аккузативе, а логическое сказуемое в аблативе: ...*senex...transmisso amnis fluenta...ad portum salubrem...perrexit...* (519, 14–20 *passim*).

Для синтаксиса сложноподчиненных предложений наиболее свойственно частое употребление конъюнктива плюсквамперфекта в предложениях с *ut* несвойственное литературному языку (кроме сравнительно редких случаев его употребления в предложениях с *ut consecutivum*). Например: ...*aiebat, ut...episcopus apud se et suos...remansisset* (477, 14–16), *militum ... non modica turma agriter iniecentes manus in sanctum Dei episcopum, ut furentis temporalis domini animum mitigare potuissent* (488, 3–7). Наряду с этим в упомянутых типах предложений представлен также индикатив: (*persequentes*) *per loca inhabitabilia et humani fragilitati incognita discurrentes ita ut infirmiorum cadavera nullo comparuisse comprobatur* (500, 1–4).

Изъявительное наклонение также представлено в иных типах подчиненных предложений, в частности, в косвенном вопросе: *...mira mirandis succedunt, quod ad memoriam rediit, unde longe superius ex sancti viri sententiam praetulisse me **comperio** de carnificum verbis...* (498, 24–27), *surge et vade ad beatum martyrem ecclesiam, **ubi te iturum pervovisti*** (517, 16–18). Следует отметить также немотивированное употребление конъюнктива, как в следующем случае: *dum revertere vellisset, statim omnes conpagines membrorum **solidarentur*** (511, 11–13), а также употребление accusativus cum infinitivo при наличии в главном предложении синтагмы *dubium non est* (напр., *censorem adesse dubium non est* (487, 6–7)) при которой, согласно правилам, употребляется придаточное предложение с *quin*

Представленные в сочинении Арибо отклонения от литературной нормы характерны для «неграмматической латыни» (Rigg 1996: 89) предкаролингского периода. Часть их, возможно, объяснима механическим уподоблением и описками. Наряду с этим, несмотря на значительное число традиционных разговорных черт, язык анализированного памятника также свидетельствует о недостаточном уровне владения автором чуждым ему (несмотря на контакты с романизованными кругами Тироля и северной Италии) латинским языком (Leonhardt 2016: 159). Последнее обстоятельство, в частности, может объяснить появление позднейшей откорректированной версии (Löfstedt 1977/1978: 54, прим. 11).

### Литература

- Dynnikov, A. N, Lopatina M. G. 1998: *Narodnaya latyn* [Vulgar Latin]. Moscow.
- Дынников А. Н., Лопатина М. Г. 1998: *Народная латынь*. М.
- Forcellini, Ae 1965: *Lexicon totius Latinitatis*. T. 1 [A – C]. Patavii.
- Herman, J. 1997: *Vulgar Latin*. Chicago.
- Krusch, B. (ed.) 1902: *Vita vel passio Haimhrammi martyris. Monumenta Germaniae historica*. Bd. 4. Hannover; Leipzig, 452–526.
- Krusch, B. (ed.) 1913: *Vitae Corbiniani episcopi*, In: *Monumenta Germaniae historica*. Bd. 6. Hannover; Leipzig, 561–593.
- Leonhardt, J. 2016: *Latin: Story of the World Language*. Cambridge.
- Löfstedt, B. 1967: *Zum spanischen Mittellatein. Glotta* 54, 117–157.
- Löfstedt, B. 1977/1978: *Zu Arbeos Latein. Archivum latinitatis medii aevi – Buletin Du Cange* 41, 51–73.
- Loewe, Goetz (eds.) 1894: *Corpus glossariorum Latinorum*. Vol. 5. Lipsiae.

- Lot, F. 1931: A quelle époque a-t-on cessé de parler latin. *Archivum Latinitatis Medii Aevi – Buletin Du Cange* 6, 97–159.
- Polehlova, H. 2016: Vita Sancti Wilfridi: selected aspects of language. *Graeco-Latina Brunensia* 21/1, 135–147.
- Referovskaya, E. A. 1964: *Razvitiye predlozhnykh konstrukciy v latinskom yazyke pozdnego perioda* [The Development of prepositional constructions in Latin language of late period]. Moscow; Leningrad.
- Реферовская Е. А. 1964: *Развитие предложных конструкций в латинском языке позднего периода*. М.; Л.
- Rigg, A. G. 1996: Morphology and Syntax, In: *Medieval Latin: An Introduction and Bibliographical Guide* / Mantello F. A. C., Rigg A. G. (eds.). Washington, D.C.
- Skiles, J. W. D. 1938: *The Latinity of Arbeo's Vita sancti Corbiniani and of the Revised Vita et Actus Beati Corbiniani*. Diss. Chicago.
- Sturm, J. 1956: Bischof Arbeos von Freising bayerische Verwandte. *Zeitschrift für Bayerische Landesgeschichte* 19, 568–571.
- Väänänen, V. 2006: *Introduction au latin vulgaire*. Paris.

#### **B. V. Cherniukh. Latin of «Vita Haimhrammi» by Arbeo from Freising**

The linguistic peculiarities of «Vita Haimhrammi» by Arbeo from Freising are the question under research. The language of mentioned work shows numerous anomalies on the phonetical, morphological and syntactical levels. On the phonetical level the most typical ones are irregular monophthongization (*evi*), hypercorrection (*caepit*, *habundantem*, *archana*), palatalization (*aedifitiorum*), loss of initial *h* and word-final consonants (*ymnus*, *calicem commune*), weakening of plosive consonants (*augtori*, *aucmento*, *octabo*)

The morphological changes affect mainly nouns and verbs. The first ones show themselves in changes of gender (*tantae pavoris*) and/or declination of nouns (*per suos actos*, *pecoras*) as well as in anomalous case endings (*collectu spiritu*). The use of deponent verbs in active voice (*pollicebat*), unmotivated usage of passive voice instead of active (*plueretur*) and the formation of *infected* tenses from the *perfectum* stem and vice versa (*poposcere*, *sentisse*) are typical for verbal morphology.

The main anomalies in syntax belong to prepositional (*per partibus*) and case government (*tanti pontificis orbat*) as well as to the use of moods in subordinate clauses (wide usage of *plusquamperfectum coniunctivi* in ut-clauses, indicative mood in indirect question, accusativus cum infinitivo after *dubium non est*). These features are caused not only by the influence of spoken language, but also by insufficient author's literacy.

*Keywords:* Merovingian Latin, vulgar Latin, Arbeo from Freising, phonetical, morphological and syntactical anomalies.